

Чжоу Чуань, нахмурившись, нерешительно замер, явно опасаясь, что вольность Цзян Шэна может активировать скрытый триггер смерти. Но их разделяли считанные сантиметры, и нарушать это шаткое уединение не хотелось, поэтому он смолчал.

Цзян Шэн склонился к самому его уху и заговорщически прошептал:

— Скажи, неужели вся суть этого раунда сводится к тому, чтобы целую неделю слушать нудный трёп этой мегеры?

Чжоу Чуань едва заметно покачал головой:

— Наверняка всё гораздо сложнее.

Он скользнул взглядом сквозь стекло на маячившую в коридоре фигуру классной руководительницы:

— Она здесь ключевой персонаж. Возможно, даже сам убийца.

Цзян Шэн молча согласился. Глядя на притихших одноклассников, забившихся за парты, точно напуганные перепёлки, он сразу понял: с этой дамочкой шутки плохи.

Раздался звонкий треск школьного звонка. Женщина загнала провинившихся учеников, точно стадо уток, обратно в класс и размашистым шагом удалилась. Едва дверь за ней закрылась, послушная и тихая толпа мгновенно превратилась в бурлящий поток. Все ринулись к классной доске, расталкивая друг друга локтями, чтобы первыми узнать свою позицию в рейтинге успеваемости.

Чжоу Чуань покосился на него:

— Идём, посмотрим.

— Думаешь, мы там тоже есть? — Цзян Шэн скептически посмотрел.

— Раз уж мы привязаны к ролям учеников, то обязаны быть в списке, — Чжоу Чуань помрачнел и после короткой паузы добавил: — Более того, этот список вполне может оказаться очередностью смертей. Начиная с самого конца.

Цзян Шэн неопределённо хмыкнул. Старый, избитый приём. С другой стороны, если вспомнить их прошлую игру в «Убийство Оборотня», подобная логика выглядела вполне в духе системы.

Пробиться сквозь живую стену у стенда было практически невозможно — толпа спрессовалась

так плотно, что яблоку негде было упасть. Даже высокий рост не спасал Цзян Шэна: разглядеть наклепленный на маркерную доску листок сквозь головы одноклассников было нереально.

В этот момент из толчеи выбралась заплаканная девушка. Заметив Цзян Шэна, она замерла и снова расплакалась.

— Сюй Ян... Я опять всё завалила.

Цзян Шэн мысленно схватился за голову. Подобная девичья драма застала его врасплох. Онемев от неожиданности, он лишь неловко приобнял её за плечо, пытаясь изобразить дежурное сочувствие.

Девушка вымучила блёклую улыбку и робко прошептала:

— Сюй Ян, давай выйдем ненадолго, поговорим? Всё равно сейчас самоподготовка, классной не будет.

Под этой загадочной «ней» она явно имела в виду их деспотичную руководительницу.

Обречённо вздохнув, Цзян Шэн незаметно кивнул Чжоу Чуаню — мол, глянь заодно и моё место, — и поплёлся вслед за расстроенной одноклассницей на улицу.

На школьном дворе нещадно припекало солнце. Цзян Шэну сразу стало душно, а вот идущую рядом девушку внезапно передёрнуло, словно от ледяного сквозняка.

— Знаешь, когда экзамен закончился, я сразу позвонила маме, — тихо заговорила она, шмыгая носом. — А она сказала, что у неё гости, и велела перезвонить завтра. Но я это «завтра» слышу уже столько лет...

Она снова заплакала.

«Надо же, до чего живой непись», — подумал Цзян Шэн, глядя на её дрожащие губы. И мысленно порадовался, что перед ним лишь набор пикселей и строк кода, а не живой человек, на которого навалилась вся эта серая безысходность.

— Сюй Ян... Как думаешь, я вообще хоть кому-то в этом мире нужна?

— Конечно нужна, — без колебаний соврал он. — Не бери в голову. Родители любят тебя, просто они вечно по уши в делах.

Девушка резко остановилась и уставилась на него колючим взглядом:

— Да? Тогда почему они ни единому моему слову не верят? Когда я говорю им, что наши учителя — просто чудовища, они лишь отмахиваются.

Цзян Шэн замялся. Любые слова утешения сейчас прозвучали бы фальшиво и пресно. Что он мог сказать ей, чтобы не казаться равнодушным дураком?

— Вот взять хотя бы нашего словесника, — продолжала она, её голос срывался на свистящий шёпот. — Пожилой мужик без педагогического образования. Собственного сына-десятиклассника вынужден возить к репетиторам, потому что сам ничему научить не способен. И разве я не права, когда говорю, что он абсолютная бездарность?

— А родители твердят, что я лгу. Мол, в такой престижной школе просто не может быть плохих специалистов.

Она уродливо усмехнулась. Эта гримаса боли совсем не вязалась с её юным лицом.

— Или наша англичанка. Весь её урок — это тупая зубрёжка словарей. Ошиблась в паре букв — марш на пересдачу после уроков. Но она хоть раз подумала, пригодится ли нам в реальной жизни эта бесполезная тонна зазубренных терминов?

— На уроках она просто издевается. Когда кто-то объясняет, почему в тесте нужно выбрать вариант «А», она начинает раздражённо шипеть, что ей не нужен просто ответ. Ей нужно, чтобы мы переводили и разбирали каждую строчку, превращая банальный текст для чтения в грёбанный лингвистический анализ!

— Да мне плевать, о чём этот дурацкий текст! Мне нужны только баллы за тест! Чистые оценки, сухой результат — вот единственная причина, почему я гроблю здесь своё здоровье!

Цзян Шэн хотел было посоветовать ей не принимать всё так близко к сердцу и попытаться найти в жизни хоть какие-то светлые стороны. Но вовремя прикусил язык. Легко рассуждать об оптимизме, когда не тебе приходится из дня в день тащить этот непосильный крест. Какое он имеет право давать дешёвые советы?

Поэтому он просто молчал, внимательно слушая.

— Математик тоже хорош, — вытирала она слёзы рукавом блузки. — Нас за людей не считает. Буквально заикнулся на нашем гуманитарном профиле. Словно все, кто выбрал литературу и историю, недоразвитые от рождения. Из его рта только и слышно: «отстающий класс» да «немощные гуманитарии».

— Ну а про классную и говорить тошно. Не знаю, многому ли мы у неё научимся, но уважать

нас она даже не планировала.

— Для неё мы — просто карьерные ступени, досадный балласт, мешающий получить повышение. И боксёрская груша, на которой можно сорвать злость, когда дома проблемы. Орать и унижать нас — вот и вся её педагогика.

Она горько хмыкнула:

— Стоит ей разозлиться, она тут же выдумывает, будто другие учителя жалуются на наше поведение, или заявляет, что сам директор лично звонил ей и отчитывал за то, что в нашем классе шумно.

— Шумный! Да ты посмотри на них! Они же сидят как безвольные куклы в коробке. Способны эти калеки устроить бунт?

— Спросила бы лучше, посмеет ли хоть кто-то из них на перемене хотя бы шёпотом заговорить.

Ли Мэньюй изливала душу весь урок самоподготовки, а Цзян Шэн безропотно слушал.

Если подумать, за все свои двадцать с лишним лет жизни он впервые так долго разговаривал с девушкой.

Правда, радоваться было нечему. Цзян Шэн в очередной раз убедился, что в женских чувствах он смыслит не больше, чем свинья в апельсинах. Он решительно не понимал, как себя вести: поддакивать и вместе с ней ругать школьную систему или попытаться сгладить углы.

К счастью, его спутнице и не требовались мудрые советы. Она тихо улыбнулась ему, но всё ещё выглядела подавленной.

Внезапно замолчав, она указала пальцем в сторону классной двери.

— Спасибо, что выслушал моё нытьё. Большое спасибо... Я, пожалуй, пойду обратно.

Цзян Шэн проводил её взглядом. Ему показалось, что перед самой дверью она украдкой смахнула слезу. Возможно, стоило догнать её, обнять, успокоить...

Но суровая реальность заключалась в том, что ни одну из её проблем он решить не мог.

Всё, на что он был способен — это стоять посреди двора немой истуканом. Да и её утешение

вряд ли должно было исходить от него.

В глубоком раздумье Цзян Шэн вернулся в класс через заднюю дверь и опустился на своё место.

— И о чём вы там ворковали столько времени? — с лёгким подозрением спросил Чжоу Чуань. В его тоне промелькнуло нечто, очень похожее на ревнивый допрос.

Цзян Шэн вздохнул:

— Да ни о чём особенном. Поработал громоотводом. Выслушал её исповедь о школьном аде и родительском равнодушии. Обычная трагедия маленького человека, в которой мы абсолютно бессильны, даже если захотим помочь.

— Как знать, — задумчиво протянул Чжоу Чуань. — Возможно, это часть основного сюжета или скрытый квест.

Цзян Шэн замер, так и не расстегнув молнию на рюкзаке:

— Поясни.

Чжоу Чуань достал смартфон и развернул экраном к нему, показывая сделанный снимок.

— Я сверил имена участников нашего раунда со списками на доске. Все мы болтаемся в самом верху рейтинга. Если система забирает по одной жертве в день, за эту неделю до нас очередь точно не дойдёт.

Цзян Шэн невольно отыскивал глазами своё имя, примостившееся в самом низу таблицы успеваемости Сюй Яна.

«А если по двое за раз?» — уныло подумал он.

Чжоу Чуань, не заметив его помрачневшего лица, продолжал:

— Экзамены уже сданы, и изменить оценки за эти семь дней мы никак не сможем. Если бы выживание зависело только от рейтинга, то у отстающих просто не оставалось бы шансов переписать судьбу.

— Значит, смертельная ловушка кроется в другом. Нам подкинули фальшивую мишень, чтобы усыпить бдительность. Стоит игрокам расслабиться и решить, что раз никто не умирает, то можно бездействовать — и всё, пиши пропало. Квест будет провален.

— А когда время выйдет, нас либо швырнёт на перезапуск, либо система просто устроит тотальную зачистку по результатам оценок.

— Зачистку? — нахмурился Цзян Шэн. — Прямое уничтожение игроков системой?

— Нет, система не имеет права напрямую лишать жизни. Обычно эту грязную работу выполняют те, кто её обслуживает.

Цзян Шэн удивился:

— Я думал, эта игра — какое-то чистое проявление потусторонних сил, а у неё, оказывается, есть вполне осязаемый персонал.

— Её структура мало чем отличается от крупных земных корпораций, — пояснил Чжоу Чуань.
— Всё строго регламентировано. Есть сценаристы, отвечающие за сюжет, есть режиссёры, координирующие роли, а есть каратели — силовики, устраняющие отбракованный материал...

— И этот мир тоже написан сценаристом? — спросил Цзян Шэн.

Чжоу Чуань вздохнул и бросил на него короткий взгляд:

— Я понимаю твой ход мыслей. Но местные сценаристы — не писатели. Они не выдумывают миры с нуля, а лишь выуживают воспоминания из мозгов умерших и склеивают их в единый игровой шаблон.

— Бывают, конечно, и полностью авторские проекты, но даже в них всегда отражаются личные травмы, комплексы и безумные фантазии самого Дизайнера.

Чжоу Чуань обвёл взглядом притихший класс. Учителя не было, но в кабинете по-прежнему стояла душающая, кладбищенская тишина.

— В одном реальном классе редко встретишь столько проблемных детей. Но если собрать их со всех уголков земли и запереть в четырёх стенах... таких классов наберётся не на одну школу.

Цзян Шэну стало не по себе. Посмотрев на послушных, запуганных до полусмерти подростков, он тихо спросил:

— Все они мертвы?

— Кто знает, — уклончиво ответил Чжоу Чуань. — Вполне возможно.

Цзян Шэн шумно выдохнул, прогоняя гнетущее чувство, и перевёл разговор на другое:

— А что ты говорил про перезапуск? Время просто повернётся вспять на эти семь дней?

— Да, — кивнул Чжоу Чуань. — Если повезёт, у нас останутся воспоминания о прошлом цикле, и мы сможем продолжить решать задачу с того места, где споткнулись. Если нет — с каждым поворотом песочных часов память будет обнуляться.

— Мы будем начинать заново, думая, что только что вошли в игру. В таком случае останется уповать лишь на внезапное дежавю или интуицию. Иначе мы обречены бесконечно повторять собственные ошибки, так и не добравшись до выхода.

Он замолчал на мгновение, а затем тихо добавил:

— Кстати, у нас нет никаких гарантий, что мы проживаем этот день впервые. Возможно, мы уже сотни раз сидели за этими партами и вели этот самый разговор.

У Цзян Шэна по спине пробежали мурашки.

— Ну и жуть. Так ведь недолго и рассудком повредиться, сомневаясь в каждом своём шаге. Прошлая игра с вычислением предателей была куда понятнее. Против живых людей бороться проще.

Чжоу Чуань смерил его долгим взглядом:

— Там тоже всё шло по сценарию. Просто в тех воспоминаниях не было близких покойного, вот разработчики и сделали ставку на внутренний конфликт между игроками.

— Хочешь сказать... в реальном мире люди тоже устраивают подобные игры на выживание?

— Да, — лаконично подтвердил Чжоу Чуань.

Цзян Шэн сглотнул вязкую слюну и задал главный вопрос:

— Но ведь эти перезапуски не могут продолжаться вечно?

— Нет, — покачал головой Чжоу Чуань. — Время в игре соотносится с реальным как один к двадцати четырём. Каждая попытка — это семь часов в реальном мире. Если твоё физическое тело там, снаружи, умрёт от голода или обезвоживания, тебя просто принудительно выбросит из системы. Смерть в игре станет окончательной.

— Но есть и плюс: когда голод в реальности начнёт влиять на твои движения здесь, это станет верным признаком того, что мы застряли во временной петле.

Цзян Шэн молча кивнул, усваивая информацию. Затем он перешёл к делу и подробно пересказал Чжоу Чуаню всё, чем поделилась с ним Ли Мэньюй.

Его рассказ был сухим и лишённым тех девичьих эмоций, но Чжоу Чуань всё равно почувствовал всю глубину безысходности, раздавившей эту девочку. Теперь он понимал, почему Цзян Шэн говорил о бессилии.

После уроков они аккуратно расспросили одноклассников и собрали о Ли Мэньюй немного информации.

Как выяснилось, её родители, одержимые идеей дать дочери престижное образование, возили её в эту школу из другого района. Каждый день на дорогу туда и обратно у неё уходило не меньше четырёх-пяти часов.

В выпускном классе выходной был всего один, так что домой она возвращалась от силы раз в месяц — как раз после ежемесячных экзаменов.

Постепенно в семье зародилось дикое правило: вернуться домой она могла только с табелем успеваемости. И отношение родителей к ней напрямую зависело от заветных цифр в бланке оценок.

Судя по рассказам Ли Мэньюй, родительской любви и заботы она практически не видела, а их взгляды на жизнь находились в параллельных мирах.

Собственный дом, который должен был стать для неё тихой гаванью, превратился в место, где она чувствовала себя абсолютно одинокой и брошенной.

Каждый раз, когда она пыталась пожаловаться на жестокость и несправедливость учителей, родители лишь отрезали: «Зато они хорошо учат».

Ей никто не верил. Взрослые свято верили, что педагоги не способны на подлость, а жалобы дочери списывали на лень и преувеличение.

Их любимым аргументом был вопрос: «В классе полно детей, почему только тебе одной все учителя не нравятся?»

Но разве другие дети стали бы делиться своим горем с чужими людьми?

Иногда она звонила домой и плакала, рассказывая, как учитель ни за что унизил кого-то из

ребят, швырнул книги или вызвал родителей в школу. Но в ответ слышала лишь равнодушное: «Понятно».

Им было всё равно. Порой эти истории и вовсе обсуждались за ужином как весёлые сплетни. А если родители были не в духе, на неё просто орали: «Тебе-то какое дело? Сами виноваты! Занимайся своей учёбой и не лезь не в свои дела!»

Пожалуй, именно так и выглядит безграничное родительское равнодушие.

<http://bllate.org/book/20126/2039304>